

Полковник Гуров

Николай Леонов

Волчья стая

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Волчья стая / Н. И. Леонов — «Научная книга», — (Полковник Гуров)

Директора специнтерната «Палестра» пригвоздили стрелой, выпущенной из арбалета, к стене своего собственного кабинета. Его заместителя стрела нашла в день похорон директора. А чуть ранее такой же стрелой был убит часовой, охраняющий склад с боевыми отравляющими веществами, часть ядовитого оружия исчезла. И, как полагают полковники МУРа Лев Гуров и Станислав Крячко, это только начало какой-то устрашающей провокации. Кто стоит за этим? Какие цели преследует? В поисках ответов на эти вопросы сыщики посещают специнтернат «Палестра». То, что их здесь ожидает, удивляет даже видавших виды сыскарей. Но удивляться некогда – преступники продолжают свою акцию, и теперь все зависит от опыта и боевых навыков Гурова и Крячко.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Волчья стая

Пролог

Пробуждался Алексей Борисович с трудом, долго пробираясь через бесформенные, загромождившие вход в явь, какие-то вязкие, хотя и невесомые препятствия. Наконец он отбросил последнее – как крышку гроба.

Самочувствие было исключительно паскудным. В горле першило, голова разламывалась. Пересохший язык во рту казался шерстяной vareжкой...

Некоторое время Давиденко просто лежал, не открывая глаз. Возвращаться в похабную похмельную реальность не хотелось. Пока глаза закрыты, можно делать вид, что действительности не существует.

«Вот ведь, – печально думал Алексей Борисович, – третье тысячелетие на дворе как-никак! Глобальная Сеть, понимаешь ли. Биотехнологии, нанотехнологии... В космос люди летают. Иногда даже возвращаются. А от похмелья толкового лекарства так никто и не придумал. Не Алку же жульническую пить с еврейской фамилией Зельцер... Ладно, как говорили древние римляне, а они толк в пьянке знали, судя по Тациту и Светонию, *similis similibus curantur*. То есть: лечи подобное подобным. Придется прибегнуть к проверенному временем рецепту... Осталось в холодильнике хоть что-нибудь после вчерашнего? На улицу выходить – ну совершенно же сил нет, меня сейчас до смерти загрызет первая же попавшаяся подъездная кошка. Если не побрезгует».

Пора взять себя в руки, собраться с духом, встать, доковылять до ванной, умыться. Тихо матерясь, жертва неумеренного потребления спиртных напитков поднялась на трясущиеся ноги. Колени предательски подгибались, но Давиденко все ж таки заковылял к ванной, по щиколотку утопая в роскошном иранском ковре ручной работы, подаренном ему женой в прошлом году на тридцатилетие. Спасибо, Катюша, чтоб ты вместе со своим папочкой трижды околела! Как, интересно, тебе сейчас там, во Флоренции, исхуйствоведка долбаная? С таким папаней отчего бы не заниматься «техникой рисунка мастеров позднего кварточено», денег-то зарабатывать не надо. Небось нашла уже себе какого-нибудь местного итальянского кобеля... Ну и трижды это самое место с тобой! Которое ты больше всего на свете любишь.

Алексей Борисович злобно сплюнул прямо на ковер. Точнее, безуспешно попытался сплюнуть – не было во рту слюны, ну ни капельки. С трудом переставляя непослушные ноги, он миновал темную гостиную, небольшой холл... Ага, вот и ванная. Приступим к водным процедурам.

Нет, умыться так и не удалось, слишком тряслись руки.

Физиономию украшали характерные признаки дикой похмельюги. Ни дать ни взять – престарелая дворняга, которую хозяин выгнал из конуры. Глаза бы не смотрели на собственное отражение в мутном зеркале! Воля ваша, но напиваться до чувства отвращения к самому себе все-таки не стоит, подумал Алексей Борисович. Затем он тяжело, задыхаясь, с трудом удерживая дергающееся сердце – ты не выпрыгни, пожалуйста! – проследовал на кухню.

Хвала небесам, в громадном, напоминавшем пещеру холодильнике обнаружилась едва початая литровка шведского «Абсолюта»! О закуске даже думать было страшно, желудок Давиденко сразу подпрыгивал куда-то к самому горлу. Закуска имелась в таком количестве, что наелся бы взвод оголодавших новобранцев. Мороженые овощи в вакуумной упаковке, мясные и рыбные полуфабрикаты, какие-то пирожки, фрукты, брикет пломбира, лимонный шербет,

кефир, молоко... Нет, нет! Даже на любимые оливки, замаринованные по-гречески, с базиликом и кориандром, смотреть противно.

Алексей Борисович печально вздохнул. Надежда на то, что его вчерашний гость и собеседник упьется в соплю, оказалась самоубийственной. До зеленого змия нахрюкался как раз он сам, и одна радость: вроде бы не слишком распускал язык. Привычка поменьше болтать и побольше слушать давно стала для него именно что второй натурой, тут никакая пьянка помехой не являлась.

Есть такое правило: чем меньше распускаешь язык, тем дольше живешь. И спокойнее...

Давясь, с отвращением, Давиденко протолкнул в сжимающееся горло сто граммов холодной водки. Запил холодным же апельсиновым соком. Минералки бы сейчас... «Эссенуки» номер семнадцать.

Теперь оставалось только ждать, когда полегчает. Алексей подошел к окну, отдернул занавеску.

В окне серел тусклый мартовский день. Юго-восточный ветер гнал по блеклому небу серые клочковатые тучи, похожие на нечесаную овечью шерсть. Из туч занудно сыпало мелкой унылой моросью, даже не дождем, не снегом, а водяной пылью. Самое противное время года в Москве: уже не зима, еще не весна... Вытаивает весь накопившийся мусор, и повсюду грязная каша из прокопченного выхлопными газами, текущего грязной водой снега. Гнилое мокрое межсезонье с удушливо-сырым, пропитанным бензиновым чадом воздухом. Да еще гололедище, когда чуть подморозит, такой, что хоть на улицу не выходи.

Алексею безумно захотелось плюнуть на все неотложные дела, немедленно созвониться с туристическим агентством и уже завтра улететь из слякотной простудной Москвы к морю и солнцу, куда-нибудь на Филиппины или в Новую Зеландию. Увы! Дела не замедлили напомнить о себе: из гостиной раздался длинный, требовательный телефонный звонок.

«Кто бы это мог быть? – с легкой досадой подумал Давиденко, снимая трубку. – Уж не свет ли Екатерина Федоровна из Италии? Ни с кем я сейчас говорить не хочу, а с этой сексуально озабоченной крысой тем более...»

Нет, звонили не из солнечной Флоренции, всего лишь с Шаболовки. А говорить все-таки пришлось, и разговор этот не улучшил Алексею Борисовичу и без того отвратительного настроения. Мутный он получился, наполненный недомолвками, намеками, создающий атмосферу тягостного ожидания близких неприятностей.

– Этот человек не ищет схватки, он хотел бы решить дело миром, – голос в трубке был обманчиво спокоен. – Но! Учтите, Леша, если он бьет, то наповал, правка уже не требуется.

«Наконец-то мы переходим к сути вопроса, – мысленно встрепенулся Давиденко, – давно пора. Бог мой, как же голова-то трещит!»

– Я не из пугливых, – мрачноватым тоном сказал он, – но из осторожных. Спасибо за предупреждение... Но и шантажировать себя я не позволю, приму ответные меры. Возможно, эти меры окажутся достаточно жесткими. Так и передайте. Именно ему! Нет, вот чего не стоит делать, так это пытаться запудрить мне мозги. Я прекрасно осведомлен о ваших отношениях! Личная встреча? Отчего бы нет? Только и при личной встрече я скажу то же самое и позиций не сдам!

Хороший, опытный стратег, столкнувшись с врагом, который ему непонятен, о котором мало что известно, не посчитает позорным отступить. Он поспешит уйти из-под удара, с тем чтобы прийти в себя, оценить ситуацию и выработать разумный план действий.

Алексей Борисович Давиденко грамотным стратегом пока что стать не успел. Не хватало двух вещей: опыта и таланта. Он, конечно же, был насквозь прагматичен, это составляло основу его характера и отношения к миру. Но – вот беда! – всерьез задумываться о дальних последствиях своих шагов, причем о последствиях не только для других, но и для самого себя, этот человек не любил, не хотел и не умел. В результате его поведение представляло смесь

нагло утилитаризма и какой-то подростковой, детской даже, самонадеянности. Словно бы от своих подопечных Алексей Борисович это свойство характера перенял, как заразился. Да, некуда деваться... Давиденко был отличным тактиком, но, как уже было замечено, никудышным стратегом, он блестяще делал то, что диктовали ему сиюминутные практические нужды... А что дальше? А дальше – видно будет, не говоря уже о том, что после нас хоть трава не расти.

И хоть Алексей обладал исключительно острым чутьем на опасность, на сей раз эта безотказная палочка-выручалочка не сработала. Похмелье ли тому виной? Или излишняя самонадеянность? Как бы то ни было, утренним телефонным разговором и своими последующими действиями директор спорткомплекса «Спартанец» и специнтерната «Палестра» начал взводить тугую пружину, которая щелкнет, неудержимо сокращаясь, через полгода, поздним сентябрьским вечером.

И поразит его насмерть.

* * *

Раздвигая плотный, душный воздух июльской ночи, напоенный запахами кипрея и таволги, по гравийной дорожке между двумя рядами колючей проволоки шел расхлябанной сонной походкой рядовой третьего взвода первой роты ОМБХЗ Паша Перепелкин.

Устрашающая аббревиатура раскрывается достаточно просто: отдельный мобилизационный батальон химической защиты. Возникни угроза войны с применением химического оружия, начнись мобилизация – и на базе такой воинской части можно меньше чем за сутки развернуть полноценный полк. Который, по мысли высоких чинов из Генштаба, хоть частично прикроет столицу от вражеской отравы.

Это, вообще говоря, навряд ли. Коли, не дай господь, «до когтей у них дойдет», до применения оружия массового поражения, то никому «не быть живому», некому и некого будет прикрывать. Но ведь и от повторения Чернобыльской катастрофы, а то и чего похлеще, на сто процентов не застрахуешься, не так ли? В такой прискорбной ситуации отдельный батальон химзащиты тоже очень может пригодиться.

Сейчас же, в мирное время, ОМБХЗ, дислоцированный в небольшом лесном массивчике, направо от Варшавского шоссе, если ехать из Москвы, насчитывал всего лишь две неполные роты. Главной, если не единственной задачей личного состава батальона была охрана многочисленных «объектов»: гаражей, открытых стоянок, ангаров с техникой, хранилищ ГСМ, складов оружия, обмундирования, средств защиты и дегазации, приборов химической и радиационной разведки и многого чего еще. Словом, всего того, что потребуется полку при развертывании. Понятно, что главным нарядом в батальоне были караулы, раз в три дня в любую погоду заступили на сутки, и так до самого дембеля, никаких поблажек «старичкам».

Младший сержант Перепелкин привычным движением поправил сползший с плеча ремень «АКМ», в просторечии «проклятого винтаря», и продолжил свой путь по периметру вверенного под его охрану объекта – поста номер десять. Что там конкретно хранилось, в приземистом бетонном строении без окошек, которое Паша караулил, было ему глубоко по барабану.

Спать Павлу хотелось безумно, до зеленых кругов перед глазами. Самая паскудная смена выпала младшему сержанту Перепелкину, своего рода час «между волком и собакой», с двух до четырех ночи. До смены осталось минут сорок. Только вот тянутся эти минуты, словно в каждой не шестьдесят секунд, а вдесятеро больше. Это когда ты в отдыхающей смене, секунды летят быстро: не успел глаза сомкнуть, а начкар, гиена полосатая, уже надрывается: «Смена, подъем!!!»

Давно известно: сон есть самый лучший способ борьбы с сонливостью. Не будь прапор, заступивший начальником караула, а значит, и разводящим, редкостной сволочью, Паша

давно бы уже притулился у основания одного из бетонных столбиков, на которых крепилась «колючка», и покемарил бы чуток, дожидаясь оклика сменщика. Но с этим начкаром шутки плохи, тем более что и дежуривший по части капитан Могильницкий мягкостью нрава не отличался. Перепелкину осталось всего-то две недели до заветных «ста дней до приказа», так что особенности характера офицеров и прапорщиков своего батальона Паша успел узнать как свои пять пальцев.

Сегодня, если начкар застучает его спящим на посту, парой нарядов вне очереди не отделаешься, вполне можно пять суток ареста получить. На гауптвахту Перепелкину не хотелось: нет там ничего хорошего. К тому же неудобно, право, он все-таки «дедушка», без пяти минут дембель, и полировать задницей нары на губе, как салабон сопливый?!

Павел со злобой посмотрел на оттягивающий ремень подсумок с двумя снаряженными – по сорок патронов в каждом! – рожками. Тяжелый, зараза! Затем он, чтобы сбить сонную одурь, вытряхнул из автоматного ствола загодя заначенную сигарету и, чиркнув спичкой о крохотный кусочек коробка, закурил, глубоко затянулся, с наслаждением ощущая, как дым заполняет его легкие. За курение на посту тоже полагалась «губа», но тут уж начальство ничего поделывать не могло – все равно ухитрялись солдатики пронести «контрабанду», как их перед разводом ни обыскивай.

Теперь нужно подумать о чем-нибудь хорошем. Например, о том, как ему повезло со службой. Могли ведь заслать из родного Тамбова к черту на кулички, хоть в проклятую Чечню, хоть в Абхазию, миротворствовать. Да мало ли... На Таймыре или Чукотке хоть и не стреляют, но делать там нормальному человеку нечего. Жрать, по слухам, тоже. А в ОМБХЗ, если не считать постоянного недосыпа, не служба, а форменная малина. Кормят как на убой, службой если изводили, так только первые полгода, дедовщина есть, но до беспредела не доходит... Даже столицу посмотрел, а то когда бы по нынешним временам он из Тамбова в Москву выбрался, а главное – зачем? Здесь же от казарм всего три километра до платформы Бутово, получай увольнительную в зубы, чтобы комендантский патруль не заграбастал, и вперед, на двенадцать часов вся Москва с ее чудесами в твоём распоряжении. Не дает командир роты увольнительной, так и без нее проживем! Можно и в самоход сгонять, не в Москву, конечно, а в соседнее Щиброво или Новокурьяново. Тоже очень нехило, ближее Подмосковье, куда там родному Тамбову... И пивка можно глотнуть, если родители деньжат перевели, и с девушками местными познакомиться, и...

Предавшийся греющим душу воспоминаниям, младший сержант Перепелкин уснул-таки на ходу. Пробуждение оказалось не из приятных: Паша с треском врезался лбом в деревянный столбик «грибка», под которым караульному положено пережидать особо сильные ливни.

Павел длинно, затейливо выругался. Ведь не больше получаса до смены осталось, надо продержаться! Он как следует растер себе щеки, прихватывая уши, и вновь зашагал меж двух рядов колючей проволоки, мурлыча под нос в бодром маршевом ритме строевую песню своего взвода:

Скатертью, скатертью хлорциан стелется
И забирается под противогаз.
Каждому, каждому в лучшее верится.
Падает, падает ядерный фугас!

Помогло, хоть петь на посту, согласно «Уставу караульной службы», строжайше запрещено. Можно еще рискнуть, применить особый, дембельский прием. Штык-нож, согласно уставу, примкнут? А то как же!.. Ножны, однако, так и болтаются на поясном ремне. Внизу у ножен есть такая хитрая специальная зацепочка, вроде чтобы вражеские проволочные заграждения резать. Ни хрена ею не прорежешь, что вражеские, что наши, сколько раз пробовали.

Но вот зацепиться за «колючку», отклониться от вертикали градусов на несколько и приснуть минут на пять в таком положении – всегда пожалуйста! Чуть ли не первая военная тайна, которую узнают «чижики» от старослужащих.

Вдруг до слуха Перепелкина донесся какой-то странный шорох, выпадающий из ряда привычных, а потому не замечаемых ночных звуков. Паша насторожился, остановился и стал пристально вглядываться в непроницаемую темноту за внешним рядом «колючки». Вот опять непонятный звук, словно бы ветка хрустнула...

Павел почувствовал себя несколько неуютно. Вдоль хребта потянуло холодком. Словно от чьего-то пристального и недоброжелательного взгляда в спину. Точно, ветка хрустнула!

Под чьей-то ногой?

Элементарная логика подсказывает, что освещать мощными ртутными лампами нужно не дорожку периметра, по которой шагает караульный, а объект охраны за внутренними нитками колючей проволоки плюс прилегающий мелкорослый лесок за внешним ограждением. Но когда это военные дружили с логикой? Они с житейским здравым смыслом и то не дружат.

Паша ощущал себя сейчас слепнем на лысине: его все хорошо видят, а вот сам он... Оправдывает свое видовое название, слеп, хоть тресни!

Кстати, мишень сейчас из него – просто на загляденье! Прямо по Высоцкому: «Я на свету, доступен всем глазам...»

«Белка? С ветки на ветку перепрыгнула? – подумал Паша, но тут же одернул себя: – Какие, к лешему, белки! Спят они сейчас. Ежик или еще какая мелкая ночная зверушка вроде землеройки? Не похоже, слишком громко хрустнуло для ежика, а ничего крупнее здесь не водится. Ни волков, ни медведей, ни лосей. Не стоит себя успокаивать: это шаги подкрадывающегося в темноте человека».

Тут Пашу толкнула, дернула неприятная мысль о том, что пост номер десять расположен на самом краю занимаемой батальоном территории. Территория, кстати, сплошным бетонным забором не огорожена, такой забор только у КПП поставили, а так – та же колючая проволока косым крестом в один ряд столбов. Площадь батальон занимал громадную, не меньше пятидесяти гектар, это почти три километра по периметру. Поэтому патрулировать периметр даже не пытались: никакого личного состава не напасешься, а главное – на кой черт? Не было в ОМБХЗ ни новейшей военной техники, ни сверхсекретных средств защиты, словом, ничего такого, что могло бы привлечь нездоровое внимание гипотетического шпиона. Да и не шпионят в наше время настолько примитивно, забираясь сдуру на территорию воинской части. К чему такие сложности, если с геостационарных разведывательных спутников, которых над планетой болтается, что кошек на помойке, можно автомобильные номера фотографировать. И все эти бесконечные, занудные караулы были, по твердому убеждению младшего сержанта, не более чем ритуалом, данью традиции. Высокие чины в Минобороны, по всей вероятности, придерживались сходного мнения.

Поэтому на сигнализацию типа объемных или инфракрасных датчиков поскупились. И сторожевых собак на блокпостах заводить не стали: их же кормить надо, а жрут здоровущие песики в три горла.

Вот и получается, что от окружающего со всех сторон реденького подмосковного лесочка территорию батальона отделяет обычная «колючка» в одну нитку, да еще не новая, с «бритвой», а старого образца, с «ежиком». Преодолеть такое ограждение особого труда не составляет, было бы желание. Другой вопрос: кому и зачем это может понадобиться?! Пацаны из близкого Новоникольского балуются, приключений ищут? Но не в четвертом же часу утра, черт побери!

Снова хруст сухой ветки. Нет, точно – это чьи-то крадущиеся шаги в темноте! Э-э, не подкрадываются по ночам к охраняемым объектам с добрыми намерениями...

Младший сержант не отличался особой храбростью, напротив, был он откровенно трусоват. За все время службы Павла никаких ЧП не случилось, да и раньше ничего такого... Рассказывали ему, правда, что лет пять тому назад какой-то зеленый «чиж» чуть ли не пополам перерезал автоматной очередью заплутавшую в кустарнике корову. Тоже ночь была... Сперва бдительного бойца хотели, по слухам, премировать краткосрочным отпуском, но затем вместо поощрения вlepили десять суток ареста. Да, хорошо было смеяться над незадачливым караульщиком, сидя в курилке, при ярком солнечном свете. А вот теперь Павлу стало совсем не до смеха.

Павел побледнел: кровь резко отхлынула от его лица, на лбу выступили мелкие бисеринки пота. Страх липким слизняком полз вверх по хребту и шее, шевелился у корней волос. Сердце дало перебой, а затем ухнуло куда-то вниз.

Вот почему говорят, что «душа ушла в пятки», отстраненно подумал Перепелкин.

Как поступить? На столбе «грибка» есть специальная сигнальная кнопка. Стоит ее нажать, и в караульном помещении взвояет сирена, на пульте под табличкой с десяткой – это номер его поста – замигает красная лампочка, и через несколько минут здесь окажется «тревожная» группа. Нажать? А если это опять какая-нибудь коза рогами в кустах запуталась? Ведь позору не оберешься, засмеют! Перед самым дембелем так скандально осрамиться...

Эх, лучше бы он осрамился! Глядишь, остался бы в живых...

Паша перевел автомат в положение «на груди», передернул затвор, досылая патрон. Как там по уставу?

– Стой! Кто идет? – Младший сержант изо всех сил старался, чтобы его окрик прозвучал грозно и непреклонно. Получилось плохо. Дрожал у Паши голос. – Стой! Стрелять буду!

Может быть, и выстрелил бы.

Но не успел. Выстрелили в него.

Говорят, что человек не может услышать выстрела, несущего ему смерть, и свист «своей» пули – просто не успеваает. Правильно говорят. Но в Павла стреляли не пулей, и он услышал.

Сначала в темноте словно бы тренькнула гитарная струна, негромкий такой, нежный звук. Вслед за треньканьем раздалось тоже негромкое, свистящее шипение. И тут же грудь Павла пронзила страшная обжигающая боль. Он сдавленно ахнул, рефлекторно опустил взгляд и увидел небольшой, в несколько сантиметров, железный штырь, почему-то торчащий в его теле. Удивиться этому странному факту младший сержант Перепелкин уже не успел. Ноги его подломились в коленях, изо рта плеснуло кровью, как обычно бывает, когда насквозь пробита аорта. Павел нелепо взмахнул руками и, уже мертвый, упал навзничь, лицом вперед, прямо на штырь, словно выросший из его груди. Раздался мерзкий треск сломанного ребра, и теперь уже из спины убитого Паши Перепелкина высунулись четыре сантиметра заостренной на конце стальной палочки.

До смены караула на посту номер десять оставалось около двадцати пяти минут. Более чем достаточно, для того чтобы перерезать проволоку ограждения, переступить через труп караульного и вскрыть замки бетонного ангара. А затем раствориться в темноте летней ночи.

С того хмурого мартовского утра, когда похмельный Алексей Борисович Давиденко разговаривал по телефону на некоторую, весьма неприятную тему, прошло четыре месяца...

Глава 1

Полковник милиции Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД РФ, неторопливым шагом шел по Никитскому бульвару. Стояла та прекрасная пора ранней московской осени, которую Лев Гуров любил больше всех других времен года.

Небо уже налилось глубокой сентябрьской голубизной, которую оттеняли пушистые, словно котятка, белые облака, медленно плывущие в прозрачном просторе; уставшее за лето солнце уже не жгло, а ласкало своими лучами город. Осень еще не успела полностью вступить в свои права, листва кленов, лип и каштанов оставалась зеленой, но среди нее уже загорелись ярко-красные рябиновые кисти. Еще две-три недели, и половодье желтых, алых, багряных красок захлестнет подмосковные леса, затопит улицы и парки столицы. Вспыхнет на клумбах многоцветная радуга георгинов, астр и хризантем, и столица станет нарядной, как ни в какой другой сезон. Гуров по делам службы в каких только городах России и бывших братских республик не побывал, но нигде не видел такого изумительного бабьего лета, как в Москве.

Свою машину, аккуратный серый «Пежо», Лев Иванович оставил на стоянке под окнами, с метро тоже решил не связываться – стоит ли лезть в подземную толкучку из-за двух остановок? Одни лица чего стоят: присмотришься к соседям по вагончику, и на весь день настроение испортится.

Гуров предпочел пройтись пешком, он верил в целебную силу движения, кроме того, на ходу Льву легче думалось.

Ранним утром, еще до рассвета, плеснуло коротким, по-летнему теплым ливнем, дышалось свободно и легко, хоть чувствовался уже в московском воздухе неистребимый привкус бензиновой гари и выхлопных газов. Солнечные лучи отражались в зеркальцах еще не просохших луж, зайчиками бликовали на стенах домов.

Рассеянный взгляд Гурова привычно фиксировал приметы столичного пейзажа. Про себя Гуров меланхолично отметил, что облик столицы меняется на его глазах изо дня в день. И не в лучшую сторону. Он неторопливо шел по знакомой до каждой трещинки на асфальте московской улице и думал, что этот город, который Гуров любил всем сердцем, в котором прошла вся его жизнь, все труднее становится называть своим. По отдельности перемены практически незаметны, только вот в один прекрасный день ощущаешь всей кожей, что Москва словно бы отгородилась от тебя незримым, но прочным барьером, перешла в новое качество и другое измерение, где ты кажешься уже почти ненужным, лишним. Теряет Москва свое неповторимое, ни на кого не похожее лицо, становясь просто громадным мегаполисом, так что скоро от Мехико, Чикаго или Детройта отличить станет нелегко древнюю российскую столицу. Исчезает особый уют и очарование московских улиц, скверов и площадей, и ты чувствуешь себя уже не хозяином города, а гостем. Порой – нежеланным...

Подтверждение того, что жизнь как-то хитро и недобро изменилась, Лев Иванович получил незамедлительно.

Гуров вдруг услышал знакомую мелодию. Боже милостивый, из пластиковой будочки, над которой виднелась лживая надпись «У нас только настоящая лицензионная аудио– и видеопродукция», доносился чудовищно искореженный, но все же узнаваемый мотив «Васильков»! Сыщик изумленно прислушался: да неужто песни его молодости вновь входят в моду?!

Ага, как же... Нет, мелодия оказалась действительно та самая, тридцатилетней давности. И цветочек-василечек упоминался, но уж больно в лихом контексте! Визгливый голос непонятной половой принадлежности старательно, хотя крайне не музыкально, выводил:

Подарил мне букет орхидей

Прохиндей, прохиндей, про-охинде-ей.
Подарил еще три георгина.
Все едино – он просто скотина-а!
На меня, мой дружок, посмотри,
Мне цветок-василек подари!
Подари василек мне, френд-бой!
Василек – он, как я, голубой...

Такое свежее прочтение классики советской эстрады семидесятых годов потрясло старшего оперуполномоченного до глубины души. Прямо-таки затошнило бедного полковника Гурова...

«Стареете, господин полковник, – с оттенком самоиронии обратился к себе Лев. – Все-то вам не так, на все-то вы брюзжите. Успокойтесь, меньше нервов. Ну, пошлость и мерзость, конечно, так ведь кому-то нравится. Это лет двадцать тому назад подобные вокальные упражнения с прямыми намеками на „голубизну“ потянули бы на статью УК. Что делать, времена меняются... Жаль только, что так быстро и резко, не успеваешь привыкнуть. Надо просто смириться с тем, что той Москвы, в которой я родился, в которой начинал службу, уже не вернешь, как нельзя вернуть ушедшую молодость... Но и в тираж нам со Стасом выходить рановато, мы еще пригодимся этому городу. На наш век прохиндеев хватит».

Стасом полковник Гуров называл своего близкого друга и заместителя, тоже оперуполномоченного по особо важным делам, полковника Станислава Васильевича Крячко. Бок о бок с этим человеком Гуров работал уже более двадцати пяти лет. Поначалу отношения у них не складывались, но затем два блестящих сыскаря как-то притерлись друг к другу. Тут, как в воздушном бою, кто-то становится ведущим, а кто-то – ведомым. Ведущим стал Гуров.

Простыми, обычными, рутинными делами их сыскной тандем давно уже не занимался. Другим на долю всегда доставалось нечто особенное, с изюминкой, эксклюзив, как модно нынче выражаться. Задачи, от которых Эркюль Пуаро на пару с комиссаром Мегрэ, попади они чудом в постсоветскую Россию, тотчас бы тихо удавились. Лев Иванович Гуров и Станислав Васильевич Крячко на такую суровую судьбину не жаловались, напротив, гордились такой своей «особостью», как были горды, наверное, ветераны-легионеры Древнего Рима, когда слышали от Цезаря: «Дошел черед и до триариев!»

Еще не успев открыть дверь в свой служебный кабинет, который он делил со Станиславом, Гуров услышал раздраженный голос своего «друга и соратника» – он часто называл так Станислава Васильевича.

– Здравствуй, Лев! – Крячко на секунду оторвался от телефонной трубки, а затем продолжил вразумлять кого-то на том конце провода, добавляя в интонацию лошадиные дозы иронии. – То, что вы прислали мне по факсу, господин военюрист второго ранга, документом, в строгом смысле, не является. Чем является, спрашиваете? Филькиной грамотой. Ох, и протокольчик же!.. Точно вопросы задавал законченный кретин, а отвечали на них абсолютные дураки. Причем все были пьяны до бесчувствия. Ваш дознаватель даже не удосужился узнать у начальника караула точное время обнаружения трупа, что попросту ни в какие ворота не лезет! Что значит «около четырех часов утра»? Ваши подчиненные где работают, в военной прокуратуре или в детском саду?

«Ага, вот он с кем разговаривает, – подумал Гуров, с легкой улыбкой глядя, как разошедшийся Станислав жестикулирует дымящейся сигаретой. – Этого следовало ожидать. У меня изначально не было особых надежд на помощь военной прокуратуры. Это они теперь начнут надеяться на нас. Но то, что мы задействовали вчера картотеку ОД, это мы молодцы. Надо же, всего два месяца тому назад и совсем рядом, в ближнем Подмоскovie».

Картотекой ОД Гуров называл информационно-аналитическую базу данных «образа действия», в США и европейских странах подобная картотека называется системой МО, от латинского «modus operandi». Дело, которым они со Станиславом занимались со вчерашнего дня – убийство директора частного специнтерната «Палестра» Алексея Борисовича Давиденко, – было, как и всегда, нестандартным. Слишком нетрадиционным способом отправили в мир иной восходящую звезду российской коррекционной педагогики. Так что мысль о проверке – а не угробили еще кого-нибудь сходным образом? – напрашивалась. Вот для этого и служит картотека ОД.

Оказалось, что да, угробили. Солдатика-срочника, проходившего службу в дислоцированном под Москвой батальоне химической защиты. Вчера же за подписью начальника ГУ МВД генерал-лейтенанта Орлова был послан служебный запрос в военную прокуратуру, которая вела следствие по делу об убийстве караульного, младшего сержанта Павла Андреевича Перепелкина, и ограблении склада, который тот охранял.

– А как понимать словосочетание «заостренный металлический предмет цилиндрической формы»? – все сильнее расходился Крячко. – Это по-каковски сказано? Во всяком случае, не по-русски. Могли бы хотя бы размеры «предмета» в протоколе указать, может, он с телеграфный столб величиной, а может, с английскую булавку, пойдешь догадайся! Где он, кстати? Не кто, а что – предмет пресловутый. Это хорошо, что он у вас сохранился как вещдок, с вашими порядками могли бы и выбросить. Я сегодня же заеду к вам и заберу его, нужно сравнить... Вы распорядитесь там.

Крячко раздраженно бросил трубку на рычаг, повернулся к Гурову:

– Всяк там законченный и безнадежный. Два месяца они колупались, а результаты нулевые. Чего и следовало ожидать. Но я думал, что в армии больше порядка, по крайней мере, в Московском ОВО. Ничего подобного!

– Что именно пропало со склада, который караулил бедолага-сержант? – поинтересовался Гуров, усаживаясь за свой рабочий стол.

– Я именно об этом, – со злостью сказал Станислав. – Плановую инвентаризацию имущества, которое там хранилось, проводили за полгода до убийства караульного и взлома. Акт прислали сегодня по факсу. Но не хватает подписей половины членов инвентаризационной комиссии. Прапорщик, отвечающий за этот склад, тоже подписаться не удосужился, хорошо, хоть командир батальона свою закорючку поставил. Это не документ, а насмешка над здравым смыслом. Так что никакой веры этой бумажке у меня нет.

«У меня тоже, – мысленно согласился с другом Гуров. – Известно, как проводятся плановые инвентаризации, если дело не касается ядерных боеголовок или чего-то в том же духе. Проверяемые организуют хороший такой дастархан и накачивают проверяющих до зеленых чертиков так, что они свои пальцы-то пересчитать становятся не в состоянии. Распечатали склад, прошлись пьяной походочкой вдоль стеллажей – все на месте? А как же... Запечатали, расписались в акте и отвалили в сторону моря...»

– Когда жареный петух в известное место клюнул, – продолжал Крячко, – уже бригада дознавателей провела переинвентаризацию. Как раз за несколько минут до твоего прихода у меня с этим деятелем, военюристом, об этом разговор шел. По телефону он говорить на данную тему отказался, упирая на то, что сведения секретные. Из чего я делаю вывод, что преступники утащили что-то очень важное, возможно – опасное. И то сказать: ради десятка комплектов обмундирования и пары банок с гуталином для чистки сапог часовых не снимают. Придется ехать в военную прокуратуру самому, выяснять на месте. Я им наведу шороху! При необходимости я и Петра подключить не постесняюсь, раз уж он нам такое дело подсиропил. Заодно заберу у них вещдок, сравним с той штукой, которой ухлопали Давиденко.

– Ты на колесах? Это хорошо, заодно забросишь меня к Харитоньевскому переулку. Хочу своими глазами посмотреть на место преступления, кабинет Давиденко. Кстати, поговорю с его

замом по воспитательной работе, он, как выяснилось, когда-то работал в МУРе, бывший наш коллега. Заключение медэкспертов у нас уже есть. Трассологи и баллистики обещали выдать результаты экспертизы сегодня к вечеру. Тогда у нас будет от чего танцевать. А ты из военной прокуратуры отправляйся на Новокунцевское кладбище, там в час дня хоронят Давиденко. Присмотрись к его вдове, если ее папаша соизволит траурную церемонию своим присутствием почтить, то к нему – тоже. Если вдова не вконец убита горем, подойди, представься и договорись о встрече, с этим тянуть не следует. Что, поехали?

– Всегда готов! – бодро откликнулся Станислав. – Надо же, Новокунцевское... Нас с тобой, Лева, там не похоронят. Это, считай, филиал Новодевичьего, это тебе не Калитниковское или Троекуровское! Понятно, с таким тестюшкой...

– Ты не рановато ли о собственных похоронах задумался? – Гуров ехидно усмехнулся. – Я пока что не тороплюсь и тебе не советую.

...Именно родственные отношения покойного Алексея Давиденко с Федором Андреевичем Загребельным стали основной причиной того, что дело об убийстве директора специнтерната «Палестра» досталось Льву Гурову и Станиславу Крячко.

Вчера, около двенадцати, им позвонила по «внутришке» секретарша Верочка и пригласила подняться в генеральский кабинет.

Начальника ГУ генерал-лейтенанта милиции Петра Николаевича Орлова отличал пронизательный интеллект, помноженный на колоссальный практический опыт, а также нестандартный, смелый взгляд на то, как надо управлять силовыми структурами в наше непростое время.

Ему удалось создать блестящий коллектив профессионалов-единомышленников, случайные люди в управлении не приживались, а за малейшую попытку погреть руки на своем милицейском статусе Орлов карал мгновенно и беспощадно.

Петр Николаевич полагал, что хороший начальник всегда обязан поддерживать у подчиненных веру в то, что они способны справиться с любой самой трудной задачей. И ведь справлялись обычно! Особенно такие подчиненные, как полковники Лев Гуров и Станислав Крячко.

Орлов относился к друзьям по-особому, выделяя их из всех остальных своих сотрудников. Петр Николаевич знал Гурова и Крячко очень давно, еще с той далекой поры, когда знаменитые сыщики были молоденькими неопытными лейтенантами. На его глазах они росли, набирались профессионализма и сысского мастерства. Генерал очень уважал Льва и Станислава, доверял им безоговорочно, а они, в свою очередь, отвечали Орлову тем же. Троих этих людей связывала крепкая, проверенная временем дружба. И потому самые сложные, запутанные дела доставались именно Гурову и Крячко.

– Словом, тесть Давиденко не только один из самых крупных подрядчиков дорожного строительства в Москве, – растолковывал ситуацию Орлов, – но и политик «новой волны», сопредседатель подкомитета по правам человека в Комитете по международным делам Госдумы, член бюджетной комиссии, что-то еще в том же духе, министр мне говорил, но я не запомнил. Впрочем, это неважно. Суть ясна. Из очень важных персон с весьма солидным политическим весом, не говоря уже о капиталах. Так вот, он буквально роет рогами землю. Ему почему-то очень важно, чтобы убийство его зятя было раскрыто, и раскрыто быстро, он нажал на все рычаги, и в результате делом займемся именно мы. Родственные чувства? Возможно... В конце концов бизнесмены и политики в чем-то остаются людьми. Что ты морщишься, Лев, точно лимон без сахара жуешь? Я этих «хозяев жизни» тоже не особо жалею, но распоряжение министра, оно и есть распоряжение министра.

...Кого Лев Иванович Гуров терпеть не мог, так это Очень Важных Персон, пользующихся особым вниманием и облеченных особым доверием. Политиков и политологов, краснобаев и демагогов, «выразителей чаяний народных», которые, по его глубокому убеждению, ничего, кроме вреда, стране не приносили и не принесут в обозримом будущем.

Да, нечистоплотные люди в политике скорее правило, чем исключение. И, заметим, все они рвут на груди рубахи, пытаются убедить ближних и дальних, встречаемых и поперечных, что радеют исключительно за интересы России. Тут, мол, сами понимаете, не до чистоплюйства.

Удивляться этому, вообще говоря, не приходится, и отношение полковника Гурова к нынешним «хозяевам жизни» вполне можно понять.

Задумаемся: кто они, те люди, которые пробилась в коридоры власти, отхватили по жирному куску пирога при оголтелой дележке всего и вся в постсоветской России? Да те же функционеры блаженной памяти КПСС из молодых, комсомольские активисты всех уровней, профсоюзные аппаратчики, кагэбэшники высшего и среднего звена и прочие «слуги народа». Они не потеряли ничего, кроме чести и совести, но, во-первых, ни того, ни другого у них никогда не водилось, а во-вторых, им на это глубоко и откровенно наплевать. Более того, они приобрели полную безнаказанность. Если раньше, до развала Союза и краха советской власти в купе с однопартийной системой, эта публика хоть чего-то боялась, скажем, не угодить вышестоящему партийному начальству и вылететь из насиженного кресла, то теперь управы на них вовсе не стало. Уже успели наворовать столько, что никого и ничего не боятся. И что мы имеем сейчас? В будущее глядим без особых надежд, от настоящего брезгливо плюемся, оглядываясь назад в поисках помощи, утешения, совета, не находим ни того, ни другого, ни третьего.

– Но и само убийство, – закончил Орлов, – представляет несомненный интерес. Я что-то такого не припомню, как раз для вас загадочка. Так что удачи, сыщики!

...Труп Алексея Борисовича обнаружила уборщица ранним утром тринадцатого сентября, в понедельник. Женщина мыла полы коридора второго этажа и вдруг услышала странное слитное гудение из кабинета Давиденко. Дверь кабинета, против обыкновения, не была заперта.

Заглянув в кабинет, уборщица чуть не свалилась в обморок. Было от чего! С головы мертвеца, припиленного, словно бабочка, к дубовой панели стеной обшивки, взвился рой мух, отблескивающих сине-зелеными брюшками. А уж запах... Следственная бригада районщиков, подъехавшая по вызову, прихватила с собой медэксперта, он вчерне определил время смерти: не менее пятидесяти часов. Начало сентября выдалось теплым, так что, хоть окно в кабинете оставалось открытым все время, прошедшее с момента убийства, дыхание перехватывало от сладковатой трупной вони.

То, что Алексея Борисовича Давиденко убили, сомнений не вызывало. Не может человек сам загнать себе в правую глазницу кусок стали двадцатисантиметровой длины, да так, чтобы наконечник, заостренный под конус, пробил затылочную кость и глубоко вошел в полированную дубовую панель! Зрелище было не для слабонервных – даже ко всему привычных ментов из райотдела пробрало до печенок. Алексей Давиденко был личностью довольно известной, не каким-нибудь бомжем подзаборным, чья жизнь и смерть никого не интересует. В районе его знали, знали и о том, чей он зять. И старший следственной группы, опытный немолодой капитан, мгновенно сориентировался: не наша это компетенция. Надо оповещать начальство, бить во все колокола и по возможности спихивать это дело наверх. Пусть им МУР занимается или ГУ уголовного розыска. Сыскари уровнем повыше нас.

Угадал ведь капитан, попал в десятку! Все закрутилось с ошеломляющей быстротой: уже через два часа генерал Орлов выслушивал краткие и недвусмысленные распоряжения министра, еще через полтора Петр Николаевич сам вызвал двоих своих преторианцев, Гурова и Крячко, чтобы поставить им задачу.

Прошло чуть больше суток с того момента, как Лев и Станислав покинули генеральский кабинет. Строить какие бы то ни было версии произошедшего – преждевременно. Нужны факты, требуются хоть какие-то зацепки... Словом, волка ноги кормят, как любил выражаться Лев Иванович. Время аналитической работы наступит позже.

«Несколько удивляет один момент, – думал Гуров, забираясь на переднее сиденье крячковского „Мерседеса“, над которым за преклонный возраст и непрезентабельную внешность потешалось втихую все управление, – ведь супруга, ныне вдова, Екатерина Федоровна Давиденко пребывала в столице. Муж не возвращается вечером в пятницу с работы домой, не звонит, ни о чем не предупреждает... А затем двое суток о нем ни слуху ни духу. Обычно в такой ситуации любящая жена бежит в милицию! Могла бы к папе броситься: пропал, дескать, твой зятек! Так ничего похожего. Или у них было так принято? Личная независимость, суверенность частной жизни и все прочее? Конечно, в каждой избушке – свои погремушки... и все же странно! Ладно я, с моей профессией и по месяцу можно дома не появляться, Маша уже привыкла, да и предупреждал я ее перед свадьбой, за кого замуж собирается. Кстати, она, по крайней мере, знает, где меня носит, когда я домой не прихожу. Но Давиденко вроде бы педагог. Мирная, спокойная работа... Если на первый взгляд!»

Крячковский «Мерседес», который лишь внешне, к тому же только для дилетанта, ничего не понимающего в автомобилях, представлялся дряхлой развалиной, резво взял с места и покатил к Садовому кольцу.

Станислав не жалел ни времени, ни денег, когда дело касалось любимой машины, Крячко относился к своему престарелому «мерсику» приблизительно так, как Д'Артаньян к своему боевому коню. Постоянно что-то чинил, переделывал, усовершенствовал, только что спать с ним в обнимку не ложился. В результате под неказистой внешностью скрывались два ведущие моста на полужесткой «спортивной» подвеске, усиленная коробка передач и форсированный мотор с турбонаддувом. Словом, конструкторам из «Даймлер-Крайслер» и «Мазды» только и оставалось, что удавиться от зависти.

Глава 2

Крячко остановил машину на углу Садового кольца и Большого Харитоньевского переулка, отсюда Гуров пошел пешком в сторону Кремля, любуясь этим прекрасным старинным районом столицы, который еще не успели загадить рекламы и вездесущих коммерческие ларьки, расплодившиеся бледными поганками по всей Москве.

Вот и Чистопрудный бульвар, теперь налево, к Архангельскому переулку, туда, где вздымается в ярко-синее сентябрьское небо охряная игла Меншиковой башни, церкви архангела Гавриила.

«Бог мой, – подумал Лев, – до чего же красивые места сохранились еще в Москве, так вот стоял бы и глядел часами... Но какими же, однако, деньжищами ворочает этот фонд „Инициатива“, патронировавший Давиденко, чтобы арендовать помещение под головной офис „Палестры“ в таком районе!.. Заметим, кстати, что один из директоров-соучредителей фонда – Федор Андреевич, бизнесмен, политик и тесть покойного. Престиж, конечно... И политические дивиденды».

Вот он, нужный ему двухэтажный флигелек, спрятавшийся от суеты и суетливого мельтешения московской толпы в глубине тихого, по-старинному respectable и чинного Потаповского переулка. Фасад украшен декоративными лепными венками, розетками, маскаронами, летящими голубями. А сзади к флигелю примыкает большой и очень уютный двор, огражденный литой чугунной решеткой. Двор такой зеленый, тенистый, аккуратный, что хочется назвать его садом.

Под ногами полковника Гурова тихо похрустывал гравий дорожки, окаймленной китайским можжевельником и фигурно постриженной туей. В темной зелени хвои виднелись нежные розово-лиловые цикламены с серебристым узором на листьях. Была пора их цветения, и аромат стоял такой, что любой парфюмер от восторга с ума бы съехал.

О! Кабинет просто сразу же поражаешь своим размером и убранством. Темно-коричневый, отлично натертый дубовый паркет. Высокий потолок со старинной лепниной, которую тщательно подновили и отреставрировали: не то нимфы, убегающие от сатиров, не то какие другие мифологические персонажи... В центре потолка закреплена небольшая люстра, похоже, из полированной бронзы. Стильно, чего уж там.

Громадный, точно поле аэродрома, письменный стол, выполненный на заказ в стиле ретро, русский барочный модерн начала XX века. Отделан опять же полированной бронзой и чем-то напоминает саркофаг. Над столом – портрет угрюмого седовласого мужчины в наглухо застегнутом сюртуке. По стенам, обшитым деревянными панелями, – книжные шкафы, в недрах которых золотятся корешки книг. Широкие стрельчатые окна с огромными фрамугами затенены с двух сторон шелковыми портьерами. И единственная дань времени – задвинутый в угловую нишу компьютерный столик с мощным «Пентиумом» и отличной периферией. По экрану монитора бесшумно снуют взад-вперед золотые рыбки.

Впечатляет. Сразу ясно: хозяин такого кабинета – человек серьезный. Был.

– И кто же это такой? – спросил Гуров у сопровождавшего его, немолодого уже мужчины, указывая на портрет. – Судя по тому, что я успел узнать о специфике вашего учебного заведения, здесь скорее был бы уместен портрет Антона Семеновича Макаренко.

– Господь сохрани! – с неподдельным ужасом в голосе отозвался заместитель директора «Палестры» по воспитательной работе Анджей Маркович Сарецкий. – Почему-то считается, будто упомянутый вами шарлатан и авантюрист с его дичайшими идеями примата коллектива над личностью был неплохим педагогом. Не верьте! Чуть собака! А на портрете – великий Песталоцци.

Господин Сарецкий не понравился Льву Гурову резко и сразу. Чуть не полчаса пришлось вчера уговаривать одного господина прояснить некоторые моменты профессиональной деятельности покойного – убиенного, точнее! – Давиденко. И уже по телефонному разговору становилось ясно: возникнут с ним проблемы.

Все верно. Возникли. По всем неписаным законам и правилам на место Алексея Борисовича претендовал именно Сарецкий. А место, как уже успел понять полковник Гуров, отличалось изрядной привлекательностью. Ох, до чего хлебное место, если грамотно использовать некоторые возможности!

Так что любой шум, любой даже намек на скандальные обстоятельства ухода из жизни своего предшественника был Сарецкому крайне неприятен. В такой ситуации люди не слишком доброжелательно относятся к милиции. А никаких формальных оснований допрашивать этого человека у Льва не было. Захочет – будет говорить, а нет – так может и послать куда подальше.

Но Лев Иванович умел быть очень убедительным! Убедил и на этот раз.

Сарецкий оказался высоким сухощавым мужчиной без возраста. Ему можно было дать и сорок, и все шестьдесят. Лоб изборожден морщинами, брови густые, почти сросшиеся, такие же густые, очень коротко остриженные темные волосы, заметно тронутые сединой, тонкий, словно бы лишенный губ рот. И удивительные глаза пронзительного ярко-голубого цвета, как у кота-альбиноса. Очень, сказать по правде, неприятные глаза: холодные, стеклянные, немигающие, заставляющие вспомнить питона в террариуме.

И дикция у главного воспитателя «Палестры» была... своеобразная. Характерная такая. С элегантно хрипотцой.

Как у сливного бачка старого унитаза.

И то, что этот человек склонен к рисовке, считая себя вторым по уму после господина бога, Лев Иванович тоже моментально уразумел. Ну-у... Грех не использовать.

Гуров пристально посмотрел на Сарецкого:

– А почему, кстати, «Палестра»? Мне что-то древнегреческое такое вспоминается...

– Правильно вспоминается, – довольно кивнул тот. – Для милиционера вы весьма эрудированны. Палестра – это в Элладе такая частная гимнастическая и риторическая школа для мальчиков 12—16 лет. Палестры имели открытые площадки, беговые дорожки, бассейны, крытые гимназии и... много чего еще. В зависимости от того, кто их строил и содержал. А занимались этим главным образом цари. Их тогда на Эгейском полуострове расплодилось немерено. Для своих отпрысков старались. Лучшие учителя, а главным образом, постоянный надзор и тот контингент сверстников, который устраивал венценосца. Опять же, друг перед другом похвастаться можно: вон, дескать, у меня в Беотии – аж три олимпийца из палестры за последние десять лет вышли! А у тебя, Амфитрион? Только один! Так что слабы твои, коллега, семивратные Фивы! Ну и, конечно, намек Давиденко применил... Грамотно. Для понимающих людей. В названии специнтерната. Чтобы знали, куда своих щенков – пардон! – детишек отдают. На дрессировку. Ох, неуместна ваша улыбочка ироничная, господин полковник! Вы, Лев Иванович, о составе наших воспитанников имеете понятие? Раз уж об Антоне Семеновиче Макаренко помянули, то...

– Отдаленное. В самых общих чертах. – Тут полковник Гуров снова слегка погрешил против истины. Очень неплохо Лев успел кое в чем разобраться. – Это одна из причин, по которой я хотел с вами встретиться. Непростой контингент, сложные, сломанные судьбы, вы это имеете в виду? Несчастные дети, трудные подростки...

– М-м... Где-то. Но не только. И не столько, – усмехнулся Сарецкий. – Дело в том, что почти все царские отпрыски, будущие герои Эллады, отличались в детстве и юношестве откровенно криминальными наклонностями. Хоть великого Геракла возьмите. Взял и убил своего учителя музыки, чем-то тот не по душе сыну Зевса пришелся. Тезей, победитель Минотавра,

покуда в возраст не вошел, все Афины на уши ставил. А уж бабник был такой, что... То же и к Ясону, предводителю аргонатов, относится, и к братишкам Диоскурам! Еще примеры желаете? Вся мифология ими полна, не говоря уж об истории. Это пока подрастающему поколению много воли давали. А доходило дело до палестры или чего-то аналогичного, но с хорошим э-э... режимом, назовем это так, сразу характеры выправлялись. Быс-трень-ко! Детишкам, да и подросткам, нужен не столько хороший воспитатель, сколько хороший надзиратель. Со здоровенной дубиной и с непоколебимой уверенностью в своем праве эту дубину применять. Гвоздить мерзавцев по башкам. Чем чаще, тем лучше. Всех. Поголовно!

– Лихо! – удивленно покачал головой Гуров, огибая монументальный письменный стол и приближаясь к тому самому месту, где голова бывшего хозяина роскошного кабинета была буквально прибита к стенке.

Да как прибита! Словно пудовой кувалдой кто приложился по стальному стержню.

– Странно такое слышать из ваших уст, Анджей Маркович. Дети – они вроде бы цветы жизни, нет? А вы – садовники. И вдруг – такое! Тем паче новые научные методики, коррекционная педагогика, социальная реабилитация... – Гуров сокрушенно пожал плечами, внимательно присматриваясь к отверстию в дубовой панели под портретом великого итальянца.

Лев сознательно хитрил.

По его глубочайшему убеждению, все новации да оптимизации в области народного образования если к чему привели, так к обвальному, катастрофическому снижению уровня этого самого образования. Про воспитание и говорить не приходилось. Но Гуров был уверен: сейчас он подцепит склизкого, как налим, Сарецкого на элементарный «комплекс честолюбца». Не таких артистов он ловил, и переиграть полковника Гурова в сложнейшей сфере практической психологии мало кому удавалось.

Часто случается, что не слишком умный, не особенно талантливый, но амбициозный человек, осознав наконец свою заурядность, начинает тяжело мучиться от уязвленного самолюбия. Самые ядовитые завистники получают из подобных людей. Ох, порасскажет он сейчас про своего покойного шефа...

Как всегда, Гуров попал в десятку!

– Что вы уставились в идиотскую дырку?! – с возмущением поинтересовался Сарецкий. – Лучше меня послушайте. Детишки! Одно слово – цветы жизни. На нашей с вами могиле...

Лицо Сарецкого буквально перекосило.

– Продолжайте, Анджей Маркович, продолжайте, – поощрительно отозвался Гуров. – Эх, жаль, лупы у меня с собой нет. Ну, не беда, сейчас не времена великого Шерлока Холмса. Эксперты, знаете ли... Так что там, про могилу?

Анджей Маркович Сарецкий весьма ехидно усмехнулся:

– Дети, конечно же, будущее нации. – Было заметно, что говорит Анджей Маркович о наболевшем. – Наше будущее. И как таковое, оно обещает быть крайне омерзительным. Тупым, самонадеянным, невежественным и агрессивным до отвращения. Поверьте специалисту, который посмотрелся на пресловутые цветочки по самое «не могу»! И ароматов соответствующих нанюхался.

– А что, – спросил Гуров, – ваш покойный шеф придерживался сходных взглядов, несколько нетрадиционных для педагога?

– Представьте себе! Если не еще более радикальных. Иначе бы мы с ним не сработались. Я, кстати, был научным руководителем Давиденко. И диссертационную тему он выбрал не без моей подсказки.

– Даже так!.. – сказал Лев подчеркнуто уважительным тоном. – И какую же? Не беспокойтесь, я хоть и не специалист, но постараюсь понять. Мы ведь по долгу службы тоже в какой-то степени педагоги.

– «Подростковая агрессивность и способы ее канализации в социально позитивное русло», – буркнул Анджей Маркович. – Да и саму идею «Палестры» Алексей, мягко выражаясь, позаимствовал у меня.

– Да ну? – сыграл удивление Гуров. – И как же случилось так, что ваши роли поменялись? Почему вы из руководителя, пусть научного, превратились в подчиненного своего бывшего аспиранта? Логичнее выглядела бы обратная кадровая вертикаль...

– А то вы, господин полковник, не догадываетесь! – со злой тоской в голосе произнес Сарецкий. – Будто не знаете, на ком женился Давиденко и кого заимел тестем. Хотя, конечно, если бы не похабная история с младшим братом Катеньки, то я сильно сомневаюсь, дал ли бы Федор Андреевич деньги на наше богоугодное заведение! Причем ведь даже не деньги все решают, тут и политический вес, и связи, и... Никогда бы Алексей не получил лицензии, если бы не поддержка тестя. Но кто реально руководил все эти годы интернатом – это еще большой вопрос! Только, прошу вас, не сделайте из моих слов идиотского вывода, что смерть Давиденко была мне на руку. Неизвестно еще, соглашусь ли я возглавить интернат, возможно, я вновь вернусь на преподавательскую работу. И вообще...

– Стоп, стоп! – перебил его Гуров. – Что, у Загребельного есть младший сын? Брат Екатерины Федоровны, жены, то есть уже вдовы Давиденко? И что же за история с ним приключилась, в чем ее похабство и как все это связано с «Палестрой»? Только, прошу вас, меньше эмоций и больше фактов.

– Впрямь не в курсе?! – В глазах Анджея Марковича вспыхнула злобная радость записного сплетника, которому представилась лакомая возможность окатить кого-то помоями. – Так я вам расскажу! Об этом скандале даже в газетах писали.

И в следующие десять минут на полковника Гурова обрушился настоящий водопад весьма интересных сведений. Ничего не скажешь: тезис о том, что детки – те еще цветочки, они подтверждали качественно. Лев внимательно слушал: пусть к делу то, о чем, захлебываясь, рассказывал Сарецкий, впрямую не относилось, но... Во-первых, эти данные позволяли взглянуть на родственников убитого под весьма неожиданным ракурсом, а во-вторых, Гуров давно и прочно усвоил: лишних данных в их работе не бывает! Картина из рассказа зама по воспитательной работе вырисовывалась куда как неприглядная... Зато теперь Гурову стало хоть немного понятнее, каким невероятным чудом на пересечении интересов МВД, Минюста и Минобразования произошло такое странное деревце, как специнтернат «Палестра». Гуров уже давно отучился удивляться некоторым особенностям российской жизни, но то, что он услышал, его все же удивило!

– Словом, та еще семейка! – с пылом и пафосом произнес Анджей Маркович и перевел дух. – Пробы ставить негде. А уж Катюша с ее сверхразвитым, чудовищным промискуитетом... Ошибка природы! Не фатальная, но все же – ошибка. Досталась Алексею подруга жизни, а ведь предупреждали его, дурака. В том числе и я предупреждал.

«Что верно, то верно, – мысленно согласился Гуров со своим собеседником. – Вся семейка хороша, а дело Геннадия Загребельного есть смысл поднять из наших баз данных. Но, уверен, если копнуть поглубже личные дела остальных воспитанников специнтерната... Думаю, что там еще и не такое можно обнаружить! Кстати, относительно Екатерины Федоровны, – совсем любопытное получается замечание! Если перевести на русский язык загадочное слово „промискуитет“, то получается, что супруга Алексея Давиденко была готова переспать с кем угодно, когда, где и как угодно. Что добавляет перчика в и так довольно острое варево. Но сам-то Сарецкий как в этом контексте выглядит!..»

– Достаточно, Анджей Маркович, – остановил Гуров не в меру расходившегося обличителя. – Вернемся к другому, чисто психологическому вопросу, поверьте, он важен. Вы говорите, что взгляды Алексея Борисовича на педагогическую теорию и практику были еще радикальнее, чем ваши. Куда ж радикальнее, а? Не любите вы детей, господин Сарецкий. Терпеть

не можете, если по правде сказать! Как же так? Как же вы с ними работаете? Как с подростками работал Давиденко? Вас послушать, так патроном вашего совместного детища – я «Палестру» имею в виду – впору считать Карабаса-Барабаса из сказочки про Буратино! Ненависть обычно порождает ненависть. И страх. Его боялись?

Анджей Маркович Сарецкий дробно рассмеялся. Смех его оставлял очень неприятное впечатление: словно рептилия мезозойская вдруг захохотала.

– Ах, господин полковник! Почему-то считается, будто хороший педагог и воспитатель должен испытывать к воспитуемым нежные чувства, – с невероятным сарказмом сказал он. – Это законченная чушь, недоразумение чистой воды. Вы же не станете утверждать, что души не чаете в своих подозреваемых? В трупах, уликах, вещественных доказательствах и прочих малопривлекательных особенностях вашей профессии? Или взять хирурга! Что он, плачет от умиления при виде гангренозной язвы? Ампутированной конечности? Вонючего гнойного перитонита?

«Какой же ты дурак, – подумал Гуров. – Настоящий врач ставит себя на место больного, мучается его болью и страдает его страданием, иначе это не врач, а коновал. Да, он именно что любит больного! А уж про наши ментовские дела... Станислав бы тебе объяснил! Нет, что с глухим о музыке говорить!»

– И только мы – учителя, воспитатели, педагоги – должны сюсюкать и носиться со стервцами, попавшими к нам в обработку, как дурни с писаной торбой! – соловьем заливался Анджей Маркович, усевшись на любимого конька.

Но останавливать изливания Сарецкого Лев по-прежнему не хотел. Самовлюбленность и самолюбование – это такие состояния души, пребывая в которых человек зачастую невольно раскрывается, выдает что-то важное, то, что постарался бы скрыть от собеседника. Делать нечего: психологический портрет убитого Давиденко придется кропотливо воссоздавать из разговоров с хорошо знавшими его людьми. И если Анджей Маркович не врет, если профессиональные воззрения Алексея Борисовича впрямь совпадали с его собственными, то это дает обильную пищу для размышлений. Чем-чем, а психологией жертвы преступления Гуров не пренебрегал никогда: часто именно в ней кроется то, что послужило для преступника мотивом!

А Сарецкий меж тем, словно прочитав последние мысли Гурова, вдруг заговорил о музыке. Анджей Маркович почувствовал интеллектуальное превосходство над милицейским полковником и уже не столько рассуждал, сколько вещал, читая Льву лекцию на тему: что такое настоящий профессионализм. Иронии сложившейся ситуации Сарецкий не чувствовал начисто. Давно замечено – долгая преподавательская и вообще педагогическая деятельность многих оглушает, приучает считать себя непогрешимым, а собеседника низводить до уровня дитяти несмышленного.

– Вот, кстати, хороший пример, – возбужденно поблескивая глазами, продолжал главный воспитатель специнтерната. – Не знаю, то ли это притча, то ли анекдот, то ли действительно случившаяся история. Мне ее рассказал один знакомый дирижер. Так вот, еще до войны, в конце тридцатых, на гастроли в Ленинград приехал известнейший московский дирижер, признанный маэстро. Как-то раз в переполненном зале Ленинградской филармонии он дирижировал исполнением... ну, допустим, Девятой симфонии Бетховена. И замечает наш маэстро, что первая скрипка все время слегка так морщится. Словно зуб болит у человека. Симфония завершена, гром аплодисментов, овация, цветы, но дирижера заело! Подходит московская знаменитость к скрипачу и спрашивает: «Простите, вас не устроила моя трактовка симфонии?» – «Что вы, – отвечает тот, – превосходная трактовка. Вы дирижировали безупречно!» – «Может быть, вы не любите Бетховена?» – продолжает допытываться настырный дирижер. «Как можно! – уныло отвечает первая скрипка. – Это же гений...» – «Да, но я же заметил, – никак не хочет угомониться маэстро, – как вы все время морщились! Скажите, почему?» – «Ну что вы, право,

маэстро, – слегка раздраженно отвечает скрипач, – почему да почему... Просто я с детства терпеть не могу любую музыку!»

Гуров от души рассмеялся неожиданному финалу, подыграв Сарецкому.

– Вот только с таких позиций можно работать с нашим контингентом! – убежденно резюмировал Анджей Маркович. – Вы спрашивали, боялись ли воспитанники «Палестры» Давиденко? Очень может быть! Но при этом многие его чуть ли не боготворили, считали сильной личностью. Не забудьте: все они имеют в прошлом криминал или что-то околориминальное. Или склонны к асоциальному поведению, иначе родители не отдали бы своих возлюбленных чад под сень нашего интерната!

– Надо понимать, – задумчиво сказал Гуров, – что ваши воспитанники инстинктивно искали сильную личность, вожака, если так можно выразиться, и обретали такую личность в директоре... Что ж, это много лучше, нежели в криминальном «авторитете», своего рода замещение, да?

– Можно сказать и так, – довольно кивнул Сарецкий. – А вы почитайте диссертацию Алексея или хотя бы автореферат. Там об этом немало написано. Вон, на книжной полке в правом шкафу стоит. Нет, это не реферат. Это полный текст. Есть еще десятка полтора статей в специализированных научных журналах.

– Пожалуй, это будет полезно, – сказал Гуров, доставая указанный томик, аккуратно переплетенный в мраморный ледерин, и рассеянно перелистывая его. – Для повышения общей эрудиции.

Глаза Льва вдруг хищно блеснули: в самом конце основополагающего труда несостоявшегося светоча отечественной педагогики Гуров заметил два небрежно заткнутых меж страниц листочка. Ксерокопии. Старые и потрепанные. Но вот заголовок одного из них и общее содержание Гуров оценил сразу же.

– Значит, это и есть полный текст диссертации? Я, с вашего позволения, заберу его с собой, – сказал Лев ровным и спокойным голосом. – Зачем мне автореферат? Всегда предпочитал первоисточники.

– Да сколько угодно, – покровительственно улыбнулся совершенно успокоившийся Сарецкий. – Ничего секретного там нет, тем более для вас и ваших м-м... органов. Читайте на здоровье. Если разберетесь! Кстати, Лев Иванович, мы с вами беседуем уже более полутора часов, а ведь мне нужно присутствовать на похоронной церемонии! Если все ваши вопросы ко мне исчерпаны...

«А русским языком ты, голуба, владеешь неважно, – внутренне усмехнулся Гуров. – Кто ж так говорит: „вопросы исчерпаны“... Сразу видно, из каких кругов ты, милый, вышел! Комсомольским функционером времен моей юности от тебя за версту разит. Нет, придется тебе задержаться! Хотел я и сам на кладбище съездить, но, в свете некоторых новых данных, полезнее будет вернуться в управление и пошарить по кое-каким закрытым министерским файлам, благо допуск есть. Стаса я отправил на Новокунцевское, справится. А к тебе, милейший, есть еще несколько вопросов. Пока – несколько. Чует мое сердце, нам еще не раз с тобой беседовать».

– Увы! – сказал он, обаятельно улыбаясь. – Еще с полчаса вашего драгоценного времени я все же отниму. Покойник подождет и на вас не обидится, от него, по словам Высоцкого, «не убудет». Для начала, Анджей Маркович, отдерните-ка занавесочку во-он на том окошке.

Сарецкий, с несколько удивленным видом, выполнил распоряжение Льва. А Гуров вновь склонился над выемкой в дубовой панели, которая точь-в-точь походила на след от вытасченного мощными клещами трехдюймового гвоздя. Да не современного, а стариннойковки.

Все правильно: стальной штырь, пробивший череп Алексея Давиденко, это не пуля! Пуля, она каких только петель в человеческом теле порой не накрутит, особенно если у нее центр тяжести смещен. В таких случаях без грамотной баллистической экспертизы не обой-

тись, иначе директрису – линию стрельбы то есть, и предположительное место, откуда стреляли, не установишь. Здесь же баллистики и трассологи были без особой надобности: и так все ясно. Разве что подтвердят. Вот она, идеальная прямая! А вот и дерево за окном, старая липа, одна из ветвей которой как раз и ложится на директрису. Именно оттуда прилетел подарок, завершивший земное существование господина Давиденко. Потому что если продолжить воображаемую линию дальше, то она уйдет в московское небо. До ветки – метров пятнадцать. Плюс метров шесть от окна до стены кабинета.

Гуров решил выйти в сад и присмотреться к дереву внимательнее. Что-то ему не нравилось в этой ветке, что-то было неправильным!

– Проводите меня в ваш очаровательный садик, – сказал он Сарецкому. – Скажите, у Давиденко была привычка оставаться здесь после работы?

– Нет, – решительно ответил Анджей Маркович. – Обычно Алексей успевал закончить все дела в рабочее время. Он был пунктуален, но вот трудоголиком не был. Я сам удивляюсь: что заставило его задержаться здесь тем злополучным вечером? Что-то неотложное? Я бы знал...

До чего же хорошо было в тенистом дворике флигеля! Теплый ветерок, пропитанный терпким ароматом цикламенов, покачивал стебли тигровых лилий, тихонько ерошил волосы Гурова. Стояла глубокая умиротворенная тишина, нарушаемая лишь басовитым жужжанием запоздалого осеннего шмеля. Идиллическая картина! Трудно было представить, что вот именно из этого мирного, уютного и спокойного садика к Алексею Давиденко пришла смерть.

Лев подошел к липе, росшей напротив окон кабинета, слегка подпрыгнул и обеими руками уцепился за приглянувшуюся ему ветку, попытался подтянуться. Не тут-то было! Ветка согнулась и затрещала, Гуров разжал руки. Анджей Маркович смотрел на физические упражнения полковника Гурова только что рот не раскрыв от удивления.

– Это я одну гипотезу проверяю, – бросил ему Лев и спросил: – Как получилось, что охрана не заметила того, что Давиденко так и не вышел из здания до поздней ночи? Почему не подняли тревогу, не заинтересовались, наконец, что там с человеком? Тем более была еще суббота, воскресенье... Ситуация не могла не встревожить ваших вахтеров.

– Но мы уже больше года не пользуемся услугами охранников, – недоуменно пожав плечами, ответил Сарецкий. – И дверь парадного хода, и вот эта, со двора, имеют специальные замки и системы телевизионного слежения. Код не магнитный, а лазерный. У каждого нашего сотрудника, хотя бы у той же уборщицы, есть специальное удостоверение с особым штрих-рисунком, вот, посмотрите.

Он протянул Гурову пластиковую карточку со своей цветной фотографией. На фотографии заместитель Давиденко выглядел еще противнее, чем в жизни... Да, внизу прямоугольной пластинки можно было различить тонкую фигурную паутинку штрих-кода.

– Алексей Борисович считал, – пояснил Сарецкий, – что доверять в наше время частным охранным агентствам неразумно. И с вневедомственной связываться не хотел. Теперь, после случившейся трагедии, задним числом, я понимаю, что это было неверное решение. Но Давиденко в свое время настаивал именно на нем. В каждом кабинете имеется специальная кнопка, когда посетитель дает вызов, то на экранчике появляется его изображение и дверь разблокируется. Давиденко уверял, что такая система надежнее, исключен человеческий фактор.

«Почему бы это? – подумал Лев. – Не потому ли, что охранники обычно неплохо осведомлены о делах тех, кого они охраняют? И такая осведомленность охраняемым резко не в дугу? Электроника нездорового любопытства не проявляет и ненужных выводов не делает. И здесь не экономия, такая охранно-пропускная система с телеметрией – это не примитивный домофон, хоть принцип тот же».

Гуров поднял взгляд, внимательно осмотрел окна кабинета. Да, если бы они выходили на улицу, то, во-первых, убийце неоткуда было бы стрелять, а во-вторых, кто-нибудь глазастый обратил бы внимание, что двое суток в окнах не гаснет свет. А так – идеальные условия для покушавшегося получались. Но об этих условиях нужно было заранее знать! Что вновь и вновь подтверждало: убийца не был случайным человеком, он знал, куда и зачем шел.

– Как вы думаете, – спросил Гуров приумолкшего Сарецкого, – почему Давиденко открыл окно тем вечером? Просто потому, что в кабинете душновато?

– Алексей Борисович был настоящим фанатиком свежего воздуха, – пожал плечами Сарецкий, – а здесь, в садике, он очень даже свежий! Все собираемся кондиционер поставить, да руки не доходят.

«И об этом убийца тоже должен был знать, – отметил мысленно Лев. – Равно как и о том, что в окнах кабинета нет кондиционеров. Иначе злоумышленник мог куковать на облюбованной ветке хоть всю ночь. Ох, не дает мне покоя эта веточка! Но в любом случае оч-чень неплохо информированный убийца получается! То есть человек, убивший Давиденко, явно знал его, он не со стороны!»

– Еще два вопроса, Анджей Маркович, – обратился он к Сарецкому. – У Алексея Давиденко среди воспитанников вашего интерната были – как бы это поточнее выразиться? – любимчики? Выделял он кого-то из подростков особо?

– Нет! – ответил Сарецкий так быстро и категорично, что Гуров понял: врет Анджей Маркович, были! Вон как глазенки-то вильнули! – А почему вас это интересует?

– Позвольте пока мне задавать вопросы, договорились? – мягко, но непреклонно сказал Гуров.

За долгие годы сыскной работы, опросив многие сотни свидетелей и допросив многие десятки преступников, Лев Гуров научился инстинктивно чувствовать, когда ему врут.

Не любил полковник Гуров вранья! Оно его настораживало. Вот и сейчас Лев сделал внутреннюю пометочку: Сарецкий неискренен... И вопрос Гурова был ему по каким-то причинам неприятен...

– А второй ваш вопрос? – недовольным тоном пробурчал Анджей Маркович.

– Он может показаться вам несколько странным: имеются ли в «Палестре» механические мастерские со станочным парком?

– А как же, конечно, имеются! – с некоторым недоумением ответил Сарецкий. – Трудовое обучение, то да се... Очень, кстати, неплохие. Нет, никакого особого разрешения для работы воспитанников не требуется, есть мастер производственного обучения, вот под его контролем... Вы удовлетворены? Позвольте напомнить, господин полковник, я тороплюсь на кладбище!

«М-да, фраза звучит весьма двусмысленно, – с внутренней усмешкой подумал Гуров. – Не то место, куда стоит торопиться».

Интересно, что позже Гуров не раз вспоминал эту неуклюжую фразу Анджея Марковича, оказавшуюся пророческой. И то, как непонятная, никаких разумных причин не имеющая тревога, дурное предчувствие мягкой кошачьей лапкой тронуло его сознание. Но предчувствие это было настолько зыбким и неопределенным, что Лев не обратил на него особенного внимания.

– Нет, спасибо, подвозить меня не стоит, – отказался Гуров от услуг Сарецкого. – Пройдусь пешком по Архангельскому и через Мясницкую, тут недалеко. Не смею больше задерживать вас, Анджей Маркович. Я созвонюсь с вами, когда мне вновь потребуется ваша помощь.

– А вы полагаете, что она потребуется? – недовольно поинтересовался Сарецкий, которого перспектива новых встреч с полковником Гуровым явно не вдохновляла.

– Всенепременно! – ласково улыбнулся ему Лев. – Нам с вами еще работать и работать, слишком уж нестандартное заведение создали вы с Давиденко. Нам, грубым ментам, без вас

в некоторых педагогических и организационных тонкостях не разобраться. Помилуйте, какая ирония, я вполне серьезно. Так что ждите моего звонка.

...Увы! Тут Лев Иванович просчитался! Откуда было Гурову знать, что не пройдет и двух часов, как Анжей Маркович Сарецкий окажется там, куда телефонную связь не провели. Куда даже по спутниковому каналу никому еще дозвониться не удавалось, что бы там ни говорили спириты и прочие экстрасенсы...

Глава 3

Спускались неторопливые осенние сумерки, окрашивая безоблачное московское небо в густой темно-лиловый цвет. Вторник заканчивался.

Медленно, по капле сгущалась темнота. Вспыхнули фонари, огни реклам, прямоугольники окон. Москва погружалась в теплую сентябрьскую ночь.

Друзья-сыщики сидели за столом на кухне квартиры Льва Гурова. В воздухе слоями плавал табачный дым, пепельница была полна окурков.

Мария Строева, жена Льва, известная московская актриса, уехала со своим театром на гастроли в Питер. Гуров, будучи очень неплохим и оригинальным кулинаром, по извечной русской привычке ленился готовить что-либо для себя и, часто оставаясь «соломенным вдовцом», обходился магазинными пельменями, которыми сейчас угощал «друга и соратника». Еще на кухонном столике присутствовала початая поллитровка «Золотого кольца» и керамическая мисочка с немудреным огуречно-помидорным салатиком.

Настроение у полковников было отвратительным, прямо хоть самих себя в лейтенанты разжалуй! Особенно печально выглядел Станислав Крячко, которому сегодня впрямь досталось так, что дальше некуда!

– Давай, Стас, подробно, – негромко сказал Гуров, плеснув в стопку Крячко на два пальца водки. – И не казись: не мог ты его спасти. Кто бы предположил подобный оборотец?! Хотя, когда мы с ним прощались, ворохнулась у меня тревожная такая мыслишка... Эх, жаль, внимания не обратил!

«Да, – говорил себе Лев, пытаясь увязать то, что узнал сегодня сам, с рассказом Станислава. – Вот это и есть самая сложная часть нашей работы, а вовсе не в засаде с пистолетом сидеть! Post factum, зная последовательность и взаимосвязь событий, даже распоследний кретин объяснит вам что угодно. А уж умный-то человек... Нет, вы просчитайте цепочку причинно-следственных связей заранее, покуда они еще скрыты в зыбком виртуальном тумане. Вот это и называется настоящей сыскной аналитикой!»

Крячко безнадежно махнул рукой, выпил стопку и стал рассказывать, перескакивая с эпизода на эпизод, о том, что случилось сегодня в три часа дня на Новокунцевском кладбище, вблизи свежезарытой могилы Алексея Давиденко.

...Холмик, на котором кладбищенские служители уже закрепили временный памятник, был засыпан осенними астрами, хризантемами, поздними махровыми розами, покрыт богатыми венками. Народу на похороны Алексея Борисовича собралось, по московским меркам, немало: около ста человек. Было чинно, богато и неискренне. Крячко от души надеялся, что его самого будут хоронить в более душевной обстановке. Хоть торопиться с проверкой, понятно, не собирался.

Расходились спокойно, без особых эмоций, предвкушая хороший поминальный обед в столовой специнтерната «Палестра», что в Битцевском лесопарке. Собственно, некому было искренне и глубоко грустить! Родители Алексея Борисовича погибли в автомобильной катастрофе около десяти лет назад, детьми покойный не обзавелся по причине сильнейшей неприязни к детям, что своим, что чужим, а вдова – Екатерина Федоровна – выглядела как угодно, только не безутешно. Отлично она выглядела, и даже положенный траур лишь подчеркивал ее красоту и молодую свежесть.

Еще до трагических событий, перевернувших ритуальную постпохоронную благодать, Крячко успел познакомиться с ней, выразить свои соболезнования и даже договориться о встрече на завтра. Она ломаться не стала, согласилась быстро и легко.

Внешность у Екатерины была, что называется, яркая. Высокая, чуть полноватая, с крупными броскими чертами лица. Волевой подбородок надменно вздернут. Ее темно-русые

волосы ложились на плечи крупными кудрями, отчего-то было ясно: нет тут никакой завивки, все от природы. Из-под слегка изогнутых бровей на Крячко внимательно, немного насмешливо глядели большие, глубоко посаженные глаза цвета пасмурного неба. Было в этой женщине что-то неуловимое, вызывающее в памяти портреты Боровиковского и Рокотова.

– Вы, полковник, я вижу, слегка шокированы тем, что я не проявляю особых эмоций, не заламываю рук и не стенаю: «Ах, положите меня к нему!»? – спросила Екатерина Федоровна. – Меж тем все предельно просто: мы с Алексеем уже успели стать чужими людьми. Он, скажу вам откровенно, терпеть меня не мог. Но и разводиться не желал, это ведь на карьере могло сказаться. Почему могло, вам объяснить? Да, вы все верно поняли. Мой папа был бы, мягко скажем, не в восторге.

– Но хоть какие-то предположения у вас имеются? – нейтральным тоном поинтересовался Станислав. – У него были враги? Кто мог желать его смерти?

– Смерти? Да хоть бы и я... – обаятельно улыбнулась вдовушка. – Но не берите этого в голову, полковник. Здесь вам ничего не светит. Вот только боюсь, что помочь вам не смогу. Даже если бы хотела... Знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. А враги у Лешеньки были. Уверена. У такого человека не может не быть врагов. А в чем-то он сам был самым главным своим врагом.

Гуров только головой покачал, выслушав столь интересное сообщение Станислава. Не слишком ли вдова откровенна с милицейским полковником, которого видит впервые в жизни? Подобные психологические нестыковки всегда настораживали Гурова.

– И я решил, – Крячко демонстративно пожал плечами, – ничего не форсировать. Выждать. Хотя бы до завтра. Тем более что разговаривать по душам с подобными особами – это ты лучше умеешь! Кстати, неплохо было бы ознакомиться с ее биографией чуть подробнее. Дабы иметь на руках хоть какие-то козыри. А вскоре мне стало совсем не до мыслей о вдове Алексея Давиденко. Такое началось...

Началось на престижном кладбище действительно «такое»... Из-за кустов уже пожухшей сирени вдруг показался человек в противогазной маске с обрезанным низом. Как одет? Да стандартно: джинсики, курточка... Никто же внимания специально не обращал, вся охрана, которой было немало, примитивно лопухнулась. Классический эффект неожиданности, бич «секьюрити» любого уровня и черное счастье террористов.

– Словно вынырнул справа от двух больших памятников, – Крячко расстроено развел руками. – И я тебе скажу, Лева, либо это женщина, либо, что вернее...

– Подросток?

– Как ты...

– Да вот появились у меня некоторые соображения, – очень невесело откликнулся Гуров. – Ох, и непростое заведение эта самая «Палестра»! Но об этом немного позже. Продолжай.

Рассказ Крячко оказался краток. Нечего было особенно рассказывать. Просто на глазах у всех убили человека.

Неизвестный в противогазе сделал короткое, неуловимое движение рукой. И тотчас, пока еще никто не понял, что происходит, пустился наутек. А сегодняшний собеседник Льва Гурова, заместитель и несостоявшийся преемник Давиденко на посту директора специнтерната «Палестра» схватился за грудь и тяжело осел на землю.

Анджей Маркович Сарецкий умер мгновенно, не мучаясь. Железный шип – заточенный гвоздь – пробил ему правый желудочек сердца. Такая смерть милосердна, вот, правда, и спасать от подобных ранений не научились!

В поднявшейся свалке и всеобщей суматохе гнаться за убийцей было без толку: он будто сквозь землю провалился!..

– Итоги у нас вытанцовываются крайне неутешительные, – грустно усмехнулся Гуров. – Имеем два трупа. Мотивы обоих убийств – совершенно неясны. Есть, правда, некоторые соображения... Но пока давай-ка разберемся с вещественными доказательствами, это единственное, что у нас реально в руках. Кстати, есть ведь и третий труп, того самого несчастного солдата. Сейчас поговорим о твоём визите к военным дознавателям. Но сначала... Эксперты экспертами, однако у нас есть собственные мозги, пора ими пошевелить. А то, что шевелить начнем здесь, у меня на кухне, так это делу не помеха. Напротив! Дома и стены помогают, а сколько всего интересного начиналось на российских кухнях, так не мне тебе о том рассказывать!

Лев придирчиво и внимательно принялся разглядывать три вещи, унесшие жизнь троих человек. Три смертоносных предмета. Два из них были практически идентичны и представляли собой тридцатисантиметровые куски стальной проволоки, остро отточенные на одном из концов и слегка сведенные на конус – для баланса. Каждый из кусков был покрыт неглубокой, но частой спиральной резьбой. Хвостовые концы металлических штырей были слегка расплющены, видимо, для лучшей стабилизации в полете. Хотя сразу догадаться, что это такое, было непросто.

– Это что-то вроде стрел или дротиков, – уверенно сказал Гуров. – Сталь уже идентифицирована экспертизой. Куски сварочного электрода, «пятерки», скорее всего – УОНИ. Их очистили от футеровочной обмазки и слегка обработали на токарном станке. Вот и получились такие убойные штучки. При высокой начальной скорости они в полете кувыряться не станут, пройдут, как по ниточке. Соппротивления воздуха хватит. Плюс отличная балансировка. У какой-то сволочи неплохая голова и умелые руки.

– Из чего же, по-твоему, их выпускали? – заинтересованно спросил Крячко. – Какая-нибудь пневматика? Следов пороха нет, значит, стреляли «холодным способом».

– Именно так, – согласился Гуров, а затем с сомнением покачал головой. – Пневматика? Что-то вроде духового ружья? Не думаю... Я там, в кабинете, вчерне прикинул силу удара. Чтобы эта стрела пробилась череп и вошла настолько глубоко в дубовую панель стеной обшивки... Не меньше полутонны выходит! Это какое же должно быть духовое ружье?! С гаубицу величиной. Совершенно ясно, откуда был произведен выстрел в Давиденко: стреляли с ветки липы, растущей во дворе. Об этой ветке речь еще впереди, но со здоровенным духовым ружьем на нее по-любому не взберешься. Да и целиться очень неудобно было бы. Нет, Стас, здесь использовали что-то компактное, но весьма мощное. И еще: обрати внимание на хвостовые части. Вырезы небольшие видишь? Как нарочно для тетивы предназначено! Лук отпадает по причинам очевидным. У чего еще бывает тетива? Вопрос на сообразительность и эрудицию.

– Это что-то вроде арбалета получается? – несколько удивленно поинтересовался Крячко. – Хм-м!..

– Или самострела, если тебе больше по вкусу русское название. Да, я почти уверен, что угадал.

– Но разве у тетивного оружия хватило бы мощности? – В голосе Станислава явственно слышались нотки сомнения. – Сам же говоришь – с полтонны... Это какое же усилие надо приложить на тетиву? Где ж силы взять?

– А вот здесь ты заблуждаешься, – спокойно возразил Гуров. – Мы же не о луке говорим! Тогда все было бы верно: больше сорока килограмм не вытянешь. Хоть, замечу, и этого вполне хватало! Вспомни, какой разгром учинили английские лучники французским рыцарям при Азенкуре и Кресси. А в случае арбалета усилие на тетиве можно создать, в принципе, любое. Ты же не вручную натягиваешь тетиву, а с помощью специального механизма типа воротка. Пара шестерен с подобранными передаточными числами, и крути ручку, принцип тот же, что у домкрата. Тут пределом будет только прочность тетивы на разрыв, но если взять что-то напо-

добие рояльной струны... Можно усилие и побольше полутонны развить! Можно и полторы, а это порой страшнее огнестрельного оружия.

Полковник Гуров был совершенно прав! Сейчас люди, окруженные громадным числом огнестрельного оружия на всякий вкус, как-то позабыли в большинстве о страшных смертоносных возможностях, заложенных в тетивное оружие. А ведь луки и арбалеты несколько тысячелетий заливали землю кровью! Оружие это разное и предназначено для разных целей. Преимущество лука в его скорострельности. Опытный лучник за минуту выпускал до десяти стрел. Арбалет, понятно, так быстро не перезарядишь, какие хитроумные приемы ни применяй. В Столетнюю войну поклонники двух этих разновидностей стрелкового тетивного натяжного оружия, что называется, схлестнулись всерьез. Англичане были твердыми приверженцами лука, французы предпочитали арбалеты. Надо ли говорить, каков был результат? Английская пехота несколько раз наголову разбивала французов, численно превосходивших британских лучников чуть ли не вдвое!

Лук – оружие солдата. А вот с арбалетом все не так просто! Это идеальное оружие для бандита и наемного убийцы. В их ремесле скорострельность не так уж важна. Зато классический британский тиссовый лук был почти в рост человека, а вот арбалет можно смастерить совсем небольшим! Зато даже тогда начальная скорость полета арбалетной стрелы – или «болта», как ее часто называют, была такой, что никакие доспехи не спасали. Есть и еще одно важнейшее «зато», коренное и принципиальное преимущество арбалета над луком, о котором и говорил сейчас Лев.

Во всем, что касалось оружия, полковник Гуров был непререкаемым авторитетом. И в теории, которую он знал «от и до», и на практике. Из своего десятизарядного австрийского «штайра» Лев Иванович попадал в спичечный коробок за полсотни метров. Понимающему человеку этот факт о многом скажет! Гуров снобом не был. Он охотно признавал, что, скажем, в рукопашке, не говоря уже о водительском мастерстве, «друг и соратник» его превосходит. Что, кстати, несколько раз спасало им жизнь. Но уж коли речь заходила о чем-то стреляющем!.. Так что Станислав Крячко внимал сейчас Гурову, только что рот не раскрыв. А Лев, оседлав любимого конька, возбудился так, что даже попросил у друга сигарету. По какой-то странной, издавна сложившейся традиции свои Гуров покупать устойчиво забывал, предпочитал одалживаться у безотказного Крячко.

– Тут вот что самое главное, Стас, – продолжал Гуров свою импровизированную лекцию, жестикулируя сигаретой. – Стрельба из лука – это ведь искусство. Этому с детства учили, хоть Конан Дойла перечитай, хоть Стивенсона. Мало того! Чтобы грамотно выстрелить из лука, нужна приличная физическая сила. Иначе получится, как у незадачливых женихов Пенелопы. Помнишь историю с тугим луком Одиссея? Никто, кроме хозяина, натянуть его не мог. За что и поплатились жизнями, все до единого. А вот арбалет ничего этого не требует! Крутить вороток взводного механизма может хоть ребенок, хоть женщина. Прицеливаться совсем просто, тем более – на небольших расстояниях. Вложил в желобок стрелу, нажал на спуск... И кому-то приходит конец. Скажем, господину Давиденко. Или несчастному солдатику.

– Ты что, намекаешь, что в Давиденко стреляла женщина или подросток? – спросил Крячко со вполне ошарашенным видом. – Н-ну, дружище, тебе фантазии не занимать!

Лев Гуров только печально усмехнулся:

– Где ж тут намеки? Я считаю что прямым текстом. Помнишь, я упоминал про ветку липы, с которой стреляли по Давиденко? Так вот, взрослого мужчину она бы не выдержала, обломилась бы! Я проверил. Подростка лет пятнадцати-шестнадцати – сколько угодно! И я склоняюсь именно к такой версии. Женщина? Возможно. Но... Не похоже! Слишком не женский тип преступления. Они убивают по-другому. Как организатора я еще могу допустить некую неизвестную даму, но не как исполнителя. Какой-то шустрый юноша постарался.

Гуров поднялся, шире распахнул форточку. В лицо ударило влажным ночным сентябрьским холодком.

– Разве не ты говорил, что убийца Сарецкого напоминал подростка? – продолжил он.

– Или женщину, точнее, девушку, – упрямо возразил Станислав. – Противогаз же, пойдй разбери! Впрочем, о противогазе разговор особый. Как о ветке твоей знаменитой.

– Вот теперь пришла пора полюбоваться предметом, которым отправили в мир иной Анджея Марковича Сарецкого. – Гуров внимательно посмотрел на Станислава. – Что это такое, как ты думаешь?

Перед сыщиками лежала небольшая дюралевая трубка, сантиметров десяти в длину. Больше всего она напоминала обресток лыжной палки, да, скорее всего, им и была. В один из концов трубки аккуратно залили свинец, а в застывающий свинец вколотили обычный строительный гвоздь. Затем шляпку гвоздя спилили, а получившийся пенек заострили.

– Я не думаю, я знаю, – мрачно отозвался Стас, доставая очередную сигарету. – Такая вот штука называется «убиенька». Классно, кстати, сделана! Кустарно их лепили из игрушек «ванька-встанька», тоже вот так забивали гвоздь вниз и затачивали. Колымское изобретение, там расконвойники всю такую баловались. Если бросить с достаточной силой и сноровкой, то на пяти метрах пробивает дюймовую доску. Страшная вещь!

– Ага. Вот-вот, – кивнул Гуров и ласково, вкрадчиво спросил: – А ты не запамятовал, что «убиеньками» баловались все больше на малолетке и около? Да, Станислав Васильевич, интересная картинка получается. А уж учитывая то, что я сегодня скачал про детище господина Давиденко, про знаменитый специнтернат... Опять же, все по порядку. Рассказывай про визит в прокуратуру. Дойдет дело и до «Палестры».

– Устал я, Лев, – пожаловался Крячко. – Второй час ночи. Даже водки почти не осталось. А с визитом что? Глухой «висяк», как и предполагалось, и не больно-то они хотят этим делом заниматься. Эка невидаль – солдатик погиб! Вот если бы столь нетрадиционным способом пару генералов замочили... Привез я ихнюю «стрелку», хоть не слишком хотели отдавать, пришлось на Орлова ссылаться. Вот она, перед тобой. Что это такое, ты мне объяснил очень популярно. И что дальше? Другой информации – полный ноль. А разговаривать с этими напыщенными болванами, для которых главное – не дело, хоть в ведомости за зарплату они расписываться не забывают! – а чистота мундиров... Это без меня. Ах да! Выяснил я, что пропало на том складе. Несколько комплектов офицерских защитных костюмов Л-2. Ящик с десятью противогазами, даже не самой последней модели. Но, что самое неприятное, из-за чего вояки хоть вяло, но шевелятся, – два баллона с фосгеном и баллон с хлорцианом. И еще несколько десятков газовых гранат со слезогонкой. Мне никто не смог вразумительно объяснить, зачем эта отравка вообще хранилась там со времен Отечественной войны. Вроде как в учебных целях. Чтобы было что дегазировать. Спасибо еще, что не какая-нибудь нервно-паралитическая дрянь, наподобие зарина или VX. Кто и на кой черт спер химическую отраву?!

Гуров, выслушав сообщение Крячко, мгновенно насторожился. Даже глаза от возбуждения заблестели!

Наверное, что-то подобное ощущает собака, берущая горячий след. А след-то был каким еще горячим!

– Станислав! – сказал он звенящим от возбуждения голосом. – Неужели ты не видишь связи? Убийца Сарецкого на кладбище был ведь в изуродованном противогазе! Не из того ли этот противогаз ящика?! Какие тут, к лешему, совпадения, не бывает таких совпадений! Но если тебе этого мало, то вот еще один примечательный фактик. Сегодня я, когда пролистывал в присутствии Сарецкого диссертацию Алексея Давиденко, обратил внимание на два ксерокопированных листочка. Вот, изволь!

Лев протянул Крячко те самые два листка, достав их из пухловатого томика. Станислав бегло проглядел содержание и присвистнул. Сонливость с него сняло как рукой.

– Лихо! – прокомментировал он. – Мало того, что под грифом «ДСП» Минобороны, так еще и название завораживающие: «О мерах особой безопасности при применении боевых ОВ. Памятка для сержантского состава. Фосген». Это, надо понимать, и про хлорциан где-то имеется в бумагах покойного педагога нечто сходное. И какова же тема диссертации господина Давиденко, что в ней столь интересные бумажки обнаруживаются?

– «Подростковая агрессивность и способы ее канализации в социально позитивное русло», – рассмеялся Гуров. – Замечу, кстати, что работа весьма нестандартная. Судя по тому, что я успел прочесть. Покойный был редкостной сволочью, но человеком большого ума и таланта. И такое случается. Чаше, чем хотелось бы! Ознакомишься еще, оно того стоит. Но как тебе очередное совпадение?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.